

Богуслав ЖИЛКО

Восприятие Бахтина в Польше

За последние тридцать лет в Польше было сделано очень много в отношении переводов на польский язык наиболее значительных произведений в области литературной теории и критики. Таким образом у нас появилось множество знаменитых работ, которые теперь расцениваются как основополагающие в области гуманитарных наук. Если спросить, какой автор привлек за это время наибольшее внимание в литературоведческих кругах, то в ответ, несомненно, сказали бы, что таким автором стал Михаил Бахтин. Никого не переводили так много, ни о ком не говорили так часто в научных выступлениях и ни на кого не ссылались так часто, как это было в отношении Бахтина.

Целесообразно поэтому проанализировать эту особенную популярность Бахтина в Польше. Его идеи были восприняты с энтузиазмом критиками самых различных методологических ориентаций. В данной статье будет сделана попытка дать критическую оценку идей Бахтина в Польше. Мы надеемся при этом сформулировать некоторые общие проблемы, связанные с восприятием творчества Бахтина критиками и литературоведами в Польше.

I

Для того чтобы составить себе полное представление о восприятии Бахтина в Польше, мы будем говорить об интерпретациях работ Бахтина в двух областях: в области литературной критики и в области теории. Такое разделение чисто условное, поскольку основывается оно на различной ориентации критиков: например, рецензент еженедельника или ежемесячника по социально-по-

литической тематике адресуется к иному читателю, чем его коллега, публикующийся в научной периодике, и цели обоих, очевидно, различны.

Начнем с рецензентов. Как то и можно было предполагать, их усилия прежде всего сосредоточены на выявлении смысла основных понятий, которыми пользовался Бахтин. К примеру, когда прочитали книгу *ПнД**, то возникла основная пара противоположных понятий: «гомофонный» роман/«полифонический» роман. Второй член этой оппозиции произвел особенно сильное впечатление на критиков. Почти все, кто писали и пишут об этом исследовании, рассматривают в качестве основной проблемы и крупнейшего открытия именно обоснованное в этой работе понятие «полифонического романа». Критики единодушны в том, что открытие структуры полифонического романа (лучше всего представленной в романах Достоевского) и его идеологических истоков, — это крупнейший вклад русского ученого. Критики особенно склонны отмечать эпистемологическое значение концепции Бахтина, а также ту яркость, с которой эта концепция выражена. Единственный пункт концепции полифонии, к которому отнеслись с недоверием, — это утверждение об относительной автономии героев как полноценных личностей в произведениях Достоевского. Несогласие с таким утверждением наиболее отчетливо выразил К. Ментрак (K. Mentrak), который полагает, что «сознание авторам всегда гомофонно <...> Автор может игнорировать свое всеведение, но его роман создается им в плоскости одного сознания. Диалог ведется одним и тем же сознанием. Отсюда следует, что диалог — это фикция, поскольку автор неизменно обращается к себе самому» (Бахтин и Достоевский, 1971).

Аналогичным образом проблему рассматривает Нишковский (J. Niesikowski), который интерпретирует полифонический роман в качестве конкретного литературного метода, отнюдь не лишаящего автора превосходства над своим собственным сознанием: «Романы Достоевского, помимо своей полифоничности, имеют и не могут не иметь также свою конкретную значимость, свой смысл и свою направленность. Книга Бахтина доказывает только одно: то, что значение и смысл достигаются здесь на более сложных путях, чем предполагают там, где решающее значение придают цитированию высказываний отдельных героев».

Такого рода полемические наблюдения высказываются потому, что критики рассматривают книгу Бахтина как исследова-

* В этом труде приняло участие двенадцать авторов. Полный список можно найти в: Bibliographia rusycystiki polskjej.

ние хотя и оригинальное, но с точки зрения жанра литературной критики вполне «нормальное» *. Литературоведы обычно не принимают во внимание философскую антропологию и теорию диалога Бахтина. Его исследование литературоведы и критики обычно стараются истолковать в качестве своеобразной, но, в общем, довольно типичной попытки внести ясность в проблематику теории романа и по возможности приблизить бахтинскую концепцию к читателю путем аббревиатур, пересказа, а иногда и посредством полемики с автором концепции **.

Такой же подход стал основополагающим в критическом восприятии книги Бахтина о Рабле. Разумеется, этот текст оценивается совершенно особенным образом. В книге о Достоевском Бахтин стремился к тому, чтобы произведения писателя проливали свет прежде всего на самих себя и чтобы раскрыть «Достоевского в Достоевском», тогда как в исследовании о Рабле имеем дело не только с произведениями, но и с окружающим автора миром. На уровне проблематики и тематики книга о Рабле значительно шире, чем монография о Достоевском. Однако поток интерпретаций второй монографии оказался никак не менее значительным: рецензенты рьяно принялись за истолкование понятий, связанных с бахтинской концепцией народной смеховой культуры. В статье С. Стерны-Ваховяк (S. Sterna-Wachowiak) «Язык смеха» (1974) автор определяет язык смеха как «единство образов, образующее конкретную карнавальную культуру».

Ту же мысль высказывает и К. Ментрак, который утверждает, что книга Бахтина о Рабле выдвигает определенную модель средневековой смеховой культуры, и только исходя из этой по-

---

* Рецензия Б. Урбанеквского, в которой рассматриваются аспекты в творчестве Бахтина, представляет собою исключение. Автор рецензии считает структуру полифонического романа изобретением Бахтина, а не Достоевского, утверждая, что это изобретение в равной мере защищает как самого писателя, так и «молодую, живую и многоцветную советскую культуру от единообразия и догматизма» (статья «Полифония и диалектика»).

** Такого рода полемика (которая применяет терминологию Бахтина для своих целей, а косвенным образом также и всю в целом концепцию полифонического романа) велась И. Ивашкевичем в газетной статье в колонке «Разговоры о книгах» (см. его заметку «Поэтика Достоевского»). Согласно мнению И. Ивашкевича, основная ошибка Бахтина произошла в силу того, что он трактует литературное произведение как музыкальное, как «полифоническое». Между тем, по мнению этого критика, в литературе все гомофонично, «все совершается в одном линейном плане, который охватывается единым взглядом».

следней и можно понять и оценить это исследование, в котором Бахтин одновременно анализирует и творчество писателя, и параметры воображения, переживавшиеся средневековым человеком, и наконец то, каким образом трансляция этого воображения в художественную форму наделила эту форму особой точкой зрения на процессы исторической динамики. Рабле, таким образом, понят Бахтиным через народную смеховую культуру, которая в свою очередь увидена как особенный элемент социальной системы в ее целом (Бахтин и Рабле, 1976).

Итак, «открытие» давно забытой «народной смеховой культуры», согласно критическим оценкам, позволяет нам подойти к внутреннему смыслу великой книги французского гуманиста.

С некоторой общей точки зрения можно, по всей вероятности, сказать, что именно такого рода суждения и критические оценки преобладают в истолкованиях и комментариях бахтинской мысли. Однако в целом ряде случаев критики не ограничиваются комментированием и делают попытки поставить в связь концепцию народной смеховой культуры с другими, по-видимому никак внешне не связанными с этой, идеями Бахтина. Так, например, К. Ментрак высказал предположение, что исследование о Рабле следует рассматривать в контексте таких классических образцов европейской гуманитаристики, как «*Homo Ludens*» И. Хейзинги или книги Ж.-И. Сартра о «воображении». По мысли критика, только путем таких смелых сопоставлений мы можем надеяться по-настоящему раскрыть новаторство русского ученого.

II

Если литературоведы в основном интересовались содержательными сторонами бахтинских исследований, то историки и особенно теоретики сосредоточили свое внимание прежде всего прочего на методологических вопросах. Это различие в подходах, в самих способах восприятия — вполне понятно. Теоретики склонны подчеркивать методологическое своеобразие бахтинских работ и проблемы *Weltanschauung**. Тем самым Бахтину воздается должное — по крайней мере, в Польше — как основателю нового и по-настоящему захватывающей методологической программы.

* мировоззрения. — *Прим. пер.*

Идея поливалентной природы художественного произведения и широкий спектр возможных интерпретаций ее — это триумф в литературной критике и в теории. В случае Бахтина, однако, становится очевидным, что идея эта затрагивает не только художественный, но также и научный текст. Научную теорию тоже ведь можно определять и освещать самыми различными путями.

Нижеследующие наблюдения будут касаться особой области «конкретизации» методологического кредо Бахтина: эта своеобразная область исследований стала проявляться за последние три десятилетия в литературоведческих исследованиях. Для более четкого понимания этой своеобразной области бахтинистики попробуем проанализировать некоторые прочтения работ Бахтина, которые предлагают определенную методологическую ориентацию и могут послужить оптимальным освещающим контекстом.

Формализм и структурализм. С этой теоретической ориентацией первоначально связывали творчество Бахтина. Такое представление возникло на первой волне критических публикаций, посвященных Бахтину. При этом сближение его теоретико-методологических истоков с русской формальной школой обычно проводилось в двух вариантах — позитивном и негативном.

Д. Данек (D. Danek) безоговорочно включил книгу Бахтина о Достоевском в «круг русской литературной критики 20-х годов, самое прославленное течение которой представлено русской формальной школой, представители которой прогремели на весь ученый мир. <...> Книга Бахтина, опубликованная в 1929 г., относится к более поздней и более зрелой фазе этого теоретического направления. В этой книге развиваются идеи, соответствующие современной версии структуралистского подхода». Данек привел тогда, в 1965 г., целый ряд параллелей между формулировками Бахтина и формалистическими интерпретациями, ориентируясь при этом в основном на работы Ю. Тынянова; в результате, однако, он приходит к выводу, что Тынянов — это научно-теоретический оппонент автора книги о поэтике Достоевского. Данек сам замечает некоторое противоречие в своей позиции, в особенности там, где речь идет о взаимоотношении между лингвистикой и поэтикой. Тем не менее основной вывод критика остается неизменным: Бахтин — творческий наследник и продолжатель формалистической школы, а его книга (в издании 1929 г.) — это начало структуралистской фазы в литературно-критических исследованиях.

По тому же пути пошли и другие комментаторы. Например, Б. Войдовский (B. Wojodowski) видит в методе русского ученого «современное развитие классических открытий русской фор-

мальной школы», что, по его мнению, сближает этот метод с сегодняшним структурализмом.

С. Балбус (S. Balbus) в своей вступительной статье к польскому изданию книги о Рабле (1975) уже прямо говорит о Бахтине как о стороннике формализма. Правда, взаимосвязи между бахтинской и формалистической методологией он понимает в ином ключе. Теоретические схождения между двумя методологиями представляются ему достаточно очевидными (имя Тынянова и здесь оказывается уместным в связи с его теорией литературного факта), но различий на этот раз оказывается все же больше, чем сходств. «Вообще говоря, — замечает С. Балбус, — бахтинская методология представляет собою попытку преодолеть основное формалистическое понятие, а именно понимание формализмом отношения литературного произведения к материалу». Отсюда следует, по мысли критика, что если Бахтин и имеет какое-то отношение к формальной школе, то основывается это отношение скорее на отрицании ее основополагающих предпосылок.

Тогда, в 60—70-е годы, связывать Бахтина с формальной школой и считать его ученым, который старался преодолеть упрощения раннего ОПОЯЗа — означало признать триумф структурализма. Однако по мере того как волна структурализма постепенно начинала спадать, и одновременно в печати начали появляться неизвестные прежде тексты Бахтина, — его довольно быстро начали превращать из формалиста-структуралиста в антиформалиста. Так, Х. Яничек-Иваницкова (H. Janaszek-Jvanickova), обсуждая польский перевод *ВЛЭ* (1982), назвала свою рецензию так: «Великий Бахтин против формализма и идеологизма». Бахтин представлен в этой рецензии как убежденный сторонник марксистского метода в применении к литературе, то есть такого метода, который «тесно связан с социальной жизнью». За относительно короткий промежуток времени образ Бахтина резко изменился: коллега-единомышленник формалистов в конце концов оказался самым активным их оппонентом.

Марксизм. В только что приведенной цитате выдвинут аргумент, в соответствии с которым существует если не альянс, то, по крайней мере, определенное духовное родство между Бахтиным и марксизмом. Этот аргумент отныне появляется снова и снова, принимая то одни, то другие обличья. Мы остановимся на двух попытках интерпретировать Бахтина подобным образом — статьях Б. Овжарека (1977) и С. Жолкиевского (1981). Первый из них исходит из предположения, что если внимательно прочитать всего Бахтина, то обнаружится его глубокая связь с марксизмом — связь, основывающаяся прежде всего на ранних бах-

тинских работах 20-х годов. По этой причине особую важность для марксистского литературоведения приобретают книги *МФЯ* и *ФМЛ*. То, что, по мнению Овжарека, неопровержимо свидетельствует о марксистском происхождении этих книг, — это проведенное в них классическое различие «базиса» и «надстройки», понятий, с помощью которых Бахтин старается определить характер идеологического творчества (в том числе, литературно-художественного творчества). Б. Овжарек подчеркивает материалистический и семиотический подход Бахтина к явлениям действительности: такого рода подход, по его мнению, позволяет интерпретировать культурное творчество в марксистских понятиях «производства» и «продукта». Жолкиевский, со своей стороны, выделяет в научной биографии Бахтина два периода: юношеский период, когда преобладающим у него был интерес к феноменологии, и зрелый период, который начался в конце 20-х годов и отличительной особенностью которого было освоение марксистской методологии. Подчеркивая методологическое своеобразие бахтинского подхода, Жолкиевский пишет: «Бахтин не был индивидуалистом, впервые открывшим свои собственные концепции, не был одиноким гением. Наоборот, он высоко оценивал роль мышления в формировании коллективного исторического поведения и определении материальной силы истории. Бахтин был марксистом, который обогатил саму теоретическую систему марксизма, усвоенную им. В этом процессе обогащения и развития своей собственной позиции он создал, наряду с другими новаторами нашего времени (зачастую в полемике) новую современную парадигму гуманитарных наук, новую теоретическую систему, которая представляет собою попытку объяснить явления культуры».

С. Жолкиевский, таким образом, видит в Бахтине в основном продолжателя марксистской методологии в гуманитарных науках. Бахтинский метод целостного анализа культуры он считает главным достижением русского ученого. Бахтин, посвятивший всю свою жизнь изучению культурных проблем, сумел преодолеть автономную природу отдельных гуманитарных дисциплин в научном мышлении. Это оказалось возможным потому, что он принял тезис о семиотической природе культуры. Согласно этому тезису, человеческое поведение, наряду с объективными и инструментальными функциями, осуществляет также символические (в широком смысле слова) функции. На этом основании возникает главный критерий, который позволяет сопоставлять и сравнивать между собою разнородные культурные структуры и описывать их языком семиотики. «Существенным элементом

его методологии, — говорит С. Жолкиевский о Бахтине, — является поиск и характеристика явлений культуры, которые различаются по своему смыслу, но одинаковы по своей значимости и совершают одни и те же или аналогичные социальные функции».

Прагматика. Прагматическая поэтика, согласно ее сторонникам, сосредоточивает внимание на влиянии, которое литературное произведение оказывает на читателя. Прагматики противопоставляют свою позицию структуралистской поэтике, обвиняя последнюю в абсолютизации синтаксического плана художественного произведения в ущерб прагматическому плану (см. статью Е. Чаплиевича «Структурализм и прагматика», 1973).

Е. Чаплиевич пишет, что Бахтин для прагматиков — это «вдохновляющий фактор». Имеется в виду не негативное вдохновение, а позитивное: Бахтин помогает правильно ставить и правильно решать проблемы поэтики. И это не случайно, поскольку то, что сближает позицию Бахтина и прагматическую поэтику, — это тяготение к платоновской концепции. В то же время перед прагматиками стояла задача выяснить, в чем их методологическая позиция отличается от бахтинской. Для этого прагматики выдвинули критерий, который Е. Чаплиевич выразил в виде краткой формулы: «Литература — это влияние» — тезис, который действует в качестве своеобразного фильтра, позволяющего отделить то, что у Бахтина «правильно» от того, что у него «ошибочно». Таким образом был найден способ, с помощью которого теперь можно было выработать как бы объективную оценку всех основных научных положений Бахтина, относящихся к сущности диалога, жанра и так далее. В результате всякий анализ бахтинских категорий сопровождается знаком «плюс» или знаком «минус», в зависимости от того, насколько та или иная категория соотносится с кредо бахтинской поэтики.

Нетрудно заметить присущее прагматической поэтике противоречие: теоретически прагматики всячески подчеркивают свою заинтересованность в осмыслении «всего Бахтина»*, тогда как практически они подходят к нему совершенно формальным образом.

Целостный метод. Наряду с такими критическими исследованиями и комментариями, в которых Бахтин истолковывается

---

* Е. Чаплиевич в «Lektura Bachtina» показывает, что ни одно направление в литературных исследованиях, исключая прагматическую поэтику, «по-настоящему не интересовалось поисками специфики, так сказать, “Бахтина в Бахтине”, и никто не пытался понять сущность теории Бахтина».

с точки зрения того или иного «изма», существует и другая тенденция, которая заключается в том, чтобы включить Бахтина в какую-нибудь научную «школу». Голоса, выражающие эту тенденцию, исходят прежде всего из того, что бахтинские открытия не удастся подчинить никаким «измам» или доктринам. В 1967 г. А. Бережа (A. Vereza) обратил внимание на своеобразное многоязычие в методе Бахтина. Он писал: «Разнохарактерные и разнородные методологические уровни его научного творчества — жанровый, структуральный (соответственно, семиотический), антропологический — соединяются в методе целостного, интегрального анализа. Множественность этих уровней выражает тот очевидный факт, что самые значительные явления, описанные Бахтиным — народная смеховая культура, карнавал, гротеск, художественное творчество Рабле, — невозможно подвести под какую-либо одну методологическую схему».

З. Митосек (Z. Mitosek) придерживается того же мнения. Оценивая в 1983 г. широкий спектр воззрений Бахтина на литературу и литературные исследования, она приходит к следующему заключению: «Заслуга этого ученого (Бахтина. — *Б. Ж.*) заключалась в создании некоторого целостного метода, в котором анализ литературной репрезентации совпадал с плоскостью высказывания таким образом, что форма нерасторжимо связана с исследованием смысла, содержания и семантики художественного произведения». В конце своего небольшого обзора З. Митосек указывает на некоторые методологические контексты, соответствующие идеям Бахтина, а в заключение говорит: «И все-таки не покидает ощущение, что мысли этого ученого уникальны, они возвращают жизнь современным литературным исследованиям прежде всего благодаря методу: этот бахтинский метод представляется шире, чем отдельно взятые теории “слова”, “высказывания”, “жанра”, “романа”, “автора” или “идеологии”, о чем идет речь в том или ином случае. Можно сказать, что мы здесь имеем дело с оригинальным взглядом на мир. Даже если мы признаем, что марксизм является основанием этого видения, то из него, этого видения, никак не исключить индивидуализирующей герменевтики».

III

Как показывает наш краткий обзор, в первые двадцать лет рецепции Бахтина в Польше основная тенденция состояла в том, чтобы привести его идеи в категориальное соответствие со струк-

турами восприятия, уже сложившимися в литературных исследованиях и в философии. Критики и литературоведы обычно пытались приспособить бахтинские понятия и концепции к уже ассимилированным идеям прошлого и настоящего в гуманитарии. Иногда эти усилия превращались в попытки кооптировать Бахтина, включая его научное творчество в то или иное учение или доктрину, и тем самым поднять научный статус этого творчества. На этом этапе можно было наблюдать зарождение своего рода «войны за Бахтина» между отдельными литературными направлениями.

Во второй половине 80-х годов ситуация начала меняться. Стало ясно, что воззрения Бахтина невозможно свести к сложившимся общеизвестным методологическим направлениям и группировкам. Те, кто серьезно изучали научно-философское наследие Бахтина, начали понимать, что Бахтин — это другой и что значение его как раз и заключается в этой его «другости». Преобладание критики «освоения» уступило теперь место усилиям, направленным на то, чтобы обнаружить конкретные неповторимые черты бахтинской мысли.

Работы последнего десятилетия можно разделить на несколько групп. Исследования, относящиеся к первой группе, посвящены реконструкциям и истолкованиям ряда литературно-теоретических проблем, выдвинутых Бахтиным. Особенно важное место в этих исследованиях заняла проблема статуса литературного произведения — его структуры, его способа существования. Бахтин, как известно, предложил в своих ранних работах очень оригинальную концепцию литературного произведения, основанную на существенном взаимоотношении диалогического характера между автором (носителем формы) и героем (носителем познавательных и этических ценностей). Ряд кардинальных бахтинских понятий — таких, как «внезаходимость», «кругозор», «завершенность», «трансгредиентность», «идеологическая среда», «преднаходимость», «архитектоника», «композиция» и т. д., — связан именно с этой концепцией. В Польше за последнее время появилось несколько работ, затрагивающих эту проблематику*. Появление этих публикаций находится в прямой связи с появлением новых неизвестных прежде исследований Бахтина — сперва у него на родине, а потом и в Польше**. Эти

---

* Примеры этого можно найти в работах Б. Жилко и Е. Чаплиевича.

** См., в частности, книгу Чаплиевича и Касперского: «Бахтин: диалог — язык — литература» (Варшава, 1983) и перевод Д. Улицкой «Эстетики словесного творчества» Бахтина (Варшава, 1986).

новые для нас работы Бахтина изобилуют интереснейшими идеями, имеющими большое научное значение. Особый интерес для польских «бахтинистов» представляет подход Бахтина к проблеме «эстетического объекта», то есть художественных и эстетических ценностей, — проблеме, которая рассматривается и в работах польского эстетика-феноменолога Романа Ингардена.

Ко второй группе новейших исследований о Бахтине можно отнести такие работы, в которых основное внимание уделяется реконструкции исторических корней его идей. Сюда относятся работы общего характера, которые стараются ответить на вопрос: «Откуда взялся Бахтин?»*, а также работы, исследующие генеалогию понятий русского мыслителя, например, работа Е. Касперского «Генеалогия диалога». Как всякий выдающийся ученый, Бахтин множеством нитей связан с общей интеллектуальной традицией. Установление генезиса его взглядов — чрезвычайно важная проблема бахтинистики, и работу в этом направлении следует всемерно поощрять.

В самые последние годы в Польше появились статьи, в которых идеи Бахтина сопоставляются с некоторыми идеологическими тенденциями нашей культуры. Первой такой тенденцией является постмодернизм, который приобрел ведущую роль в интеллектуальной жизни западного мира**. Бахтина часто рассматривают как одного из патронов этого движения, как мыслителя, усилия которого, хотя это и может показаться странным, соответствуют современным тенденциям в области философии, науки и искусства. Однако исследователи и критики все же понимают, что Бахтина невозможно отождествлять с постмодернистским лагерем. Поэтому они стараются доказать, что наследие Бахтина — это, возможно, не только отправной пункт для понимания постмодернизма, но также его творческое продолжение. Некоторые критики полагают, что Бахтин преодолевает оппозицию между «тоталитарным модернизмом» и «индивидуалистическим постмодернизмом», формулируя при этом свое антропологическое понятие диалога, которое, как пишет один критик, «по-

---

* См. статью А. Возного «Откуда взялся Бахтин?» (Pamiętnik Literacki. 2. 1981). Автор этой интересной статьи полагает, что основной контекст, объясняющий генезис бахтинской мысли, — это традиция русского православия, представленная в первую очередь именами таких философов, как П. Флоренский и С. Булгаков. Такое истолкование представляется мне все-таки узким. При обсуждении истоков бахтинского мышления следует рассматривать западную философию, филологическую традицию, а также эстетику символизма.

** См. работы таких авторов, как Szkolut и Mizinska.

стулирует общность без единообразия и различия без одиночества».

Особую группу критических исследований составляют работы, в которых исследуются возможности применения идей Бахтина в области педагогики. Первый шаг в этом направлении был сделан Романой Миллер (R. Miller) в первой половине 1980-х годов. Этому автора интересует «мир наизнанку», возникающий в перспективе карнавала. По мысли Р. Миллер, «народная смеховая культура», о которой говорит Бахтин, вводит человеческую индивидуальность в мир, освобождает ее от внутреннего напряжения и помогает преодолеть все виды догматизма и фанатизма.

В конце 80-х годов Лех Витковский (Lech Witkowski), автор единственной у нас покамест книги о Бахтине, осуществил систематический анализ педагогических импликаций в философских, культурологических и лингвистических работах Бахтина. Понятийными установками, с которых Витковский пытается разглядеть научную уместность и адекватность творчества Бахтина в современной культуре, являются бахтинские понятия «диалог», «полифония», «карнавал», «смех», в значительной мере и понятие «границы». Витковский старается применить эти понятия при разрешении конкретных проблем, таких, как межличностная коммуникация в школах, место и роль учителя в этом процессе, представление об ученике как о «другом» (то есть представляющем некоторую суверенную точку зрения), открытие образования в многообразии его возможностей, а также освобождение языка от власти — иерархических норм всякого рода, включая языковые запреты. Особая роль здесь принадлежит категории «границы»: граница обуславливает существование культуры как целого, а также существование отдельной личности.

IV

Соображения и оценки, о которых говорилось выше, конечно, далеко не исчерпывают все разнообразие истолкований бахтинских идей. В силу ограниченности места нет возможности представить более полный обзор работ о Бахтине как историке и теоретике романа (Маркевич), как о теоретике культуры (Сарновская, Червинский) и как семиотике (Болецкий). Просто невозможно даже приблизительно перечислить все исследования в области теории и истории литературы, в которых бахтинские понятия играют важную аналитическую роль. Достаточно только указать на беспрецедентный успех таких концептуальных

понятий, как «гомофония» и «полифония», «хронотоп», «чужое слово», «металингвистика», «другой». Тем не менее столь широкий резонанс идей Бахтина в Польше вызывает ряд вопросов. То, что поражает наблюдателя больше всего, так это необычайно широкий диапазон интерпретаций, иногда представляющих прямо противоположные интерпретации бахтинских идей. Перефразируя К. Трочинского (K. Troczinski), можно было бы сказать, что русского ученого оценивали в Польше как угодно — в диапазоне «от формалиста до моралиста», от одного из многих филологов, разрабатывавших историческую поэтику, до великого творца нового «видения мира».

Тем самым естественно возникает вопрос, одинаково ли правомерны все существующие интерпретации. Почему работы одного и того же автора воспринимаются так по-разному? В чем причина того, что различным истолкованиям соответствуют столь же различные «конкретные применения»? Какие из таких освоенных и применений находятся в допустимых пределах? Какие продолжают намерения и ход мысли автора, а какие отступают от этих намерений? Совсем не легко ответить на эти или подобные вопросы, что отчасти объясняется самой природой литературных исследований. Литературоведение очень разветвленная дисциплина, она не имеет единого герменевтического основания, которое дало бы возможность отделить «правильные» интерпретации от «неправильных». Интуиция играет значительную роль в изучении литературы.

Прецедент Бахтина интересен в том смысле, что на этом примере хорошо видно, каким образом идеи ученого могут восприниматься в самых разных направлениях, как легко эти идеи могут быть преобразованы в средства полемики в условиях борьбы между конфликтующими теоретическими позициями. Говоря несколько упрощенно, мы сталкиваемся в данном случае с дилеммой, в соответствии с которой, пытаясь освоить чужие идеи, мы можем сохранить верность этим идеям или нарушить эту верность. Где проходит граница между по-настоящему творческим подходом к мысли другого и таким подходом, который не останавливается перед фальсификацией этой мысли? Читая некоторые работы, в которых анализируются исследования Бахтина, создается впечатление, что на него ссылаются просто для того, чтобы поддержать и оправдать собственную теоретическую позицию. Стоит подумать о пределах ответственности, в границах которых автор отвечает за свои идеи и свои тексты и противится неадекватному их истолкованию? Как защитить текст от произвольной интерпретации? И существуют ли вообще «механизмы»

такой защиты? Нельзя давать упрощенный ответ на эти вопросы.

Осуществленный выше обзор показывает, что тема «Бахтин в Польше» содержит в себе множество интересных вопросов. Ответы на эти вопросы могли бы пролить некоторый свет на характер развития различных типов литературных исследований и других гуманитарных наук.

В заключение можно поставить еще один вопрос: существует ли какой-то особый «стиль» прочтения Бахтина, типичный для восприятия его идей в Польше? Несомненно, в каждой стране, где наблюдается активный интерес к наследию Бахтина, развивается особый подход, стимулируемый интеллектуальной ситуацией в данной стране. Интерпретаторы наследия Бахтина ищут в его научном творчестве ответы на вопросы, возникающие у них в их собственном интеллектуальном контексте. Как представляется, совсем не случайно, что в «польском прочтении Бахтина» (во всяком случае, в первые два десятилетия рецепции) основное внимание уделялось областям общей методологии и истории литературы. И. Васильева, русский переводчик первого варианта этой статьи, справедливо писала в своем «Послесловии»: «Близкий контакт с советским литературоведением и постоянный интерес к достижениям западной эстетики обеспечивают в Польше широту восприятия идей Бахтина и гибкость их интерпретаций. Вместе с тем промежуточное положение польской науки, стремящейся интегрировать данные разнонаправленных методологий, обеспечивает высокую степень толерантности, позволяющей уживаться в ней заведомо разным, порой конфликтующим теоретическим системам»*. Вполне возможно, что пребывание на перекрестках между Востоком и Западом создает благоприятные возможности для более адекватного понимания как Востока, так и Запада — в нашем случае в том, что касается попыток «зарегистрировать» научный статус и ценность исследований Бахтина, определить его место на карте современных методологических и теоретических открытий.

К Бахтину обращаются сегодня не только филологи. Польская бахтинистика — область, к которой теперь с интересом обращаются далеко не одни лишь литературоведы. Философы, эстетики** и педагоги в настоящее время тоже вовлекаются в изуче-

---

* См.: *Бахтин М. М. Эстетическое наследие и современность*. Саранск, 1992. Часть II. С. 355.

** См.: *Zylko B. Bachtin jako filozof szuki // Ordra*. 11. 1986; *Жилко Б., Орлов Б. Заметки об эстетической концепции М. М. Бахтина // Slavia Orientalis*. 3. 1993.

ние наследия Бахтина. Это очень позитивный процесс; ибо зрелость польской гуманитарии в значительной мере определяется тем, насколько и каким образом ей удастся освоить наследие Бахтина.

1987

Перевод М. М. Жмыкина

